

ПОЛИТОЛОГИЯ

СУДАН И ЮЖНЫЙ СУДАН: ЧЕРЕЗ ДЕМОНТАЖ И ТРАНСФОРМАЦИЮ ВЛАСТИ К ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ

© 2020 Т.В. Кочанова

КОЧАНОВА Татьяна Викторовна, старший научный сотрудник Центра изучения стран Северной Африки и Африканского Рога, Институт Африки РАН. Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, e-mail: kochanova@rambler.ru

***Аннотация:** В центре внимания данного исследования Судан и Южный Судан, где происходят, своего рода, «тектонические» изменения в социально-политической жизни. В результате исторических изысканий и постоянного мониторинга современных информационных источников автор вскрывает целый ряд существенных явлений и проблем народов этого региона, с колониальных времен стремящихся к суверенитету и независимости. Анализируя характер и динамику трансформации переходных форм власти и властных отношений в странах, претерпевающих социальный транзит, автор рассматривает факты с учетом уже завоеванных потом и кровью ценностей (в том числе демократических), не отрицая при этом влияния как этнических, так и жестких внешних факторов на внутреннюю политику государств. Характеризуя нынешнюю внутривластную ситуацию в регионе как посттравматическую, а состояние власти как стабильно тяжелое, исследователь не представляет себе возможности прогнозировать что-либо, но выражает надежду, что благодаря приобретенному опыту демонтажа и трансформации власти в странах может произойти реанимация и модернизация мирных социально-экономических процессов, а также медленная, но все же эволюция власти.*

***Ключевые слова:** Африка; Судан; Южный Судан; правительство; оппозиция; конфликт; кризис; ресурсы; экономика; международные экономические отношения; внешняя политика; США; Китай; инвестиции; сотрудничество; мирное урегулирование; развитие*

DOI: 10.31132/2412-5717-2020-52-3-39-59

Корни новейшей истории

Новейшая история Республики Южный Судан (РЮС), исчисляемая с июля 2011 г., со времени обретения страной статуса суверенного государства, не зависимо от Судана, все же априори своими корнями уходит в историю Судана, а потому многие политические, экономические, социальные, миграционные и иные процессы, происходящие ныне в этих соседствующих странах, не могут не быть связаны между собой.

С 1956 г., с момента обретения Суданом независимости, власть в регионе постоянно проверялась не столько на прочность, сколько на зрелость. Как свидетельствует известный российский африканист В.И. Гусаров, наблюдавший за событиями в Судане на протяжении десятков лет, «... формы правления неоднократно менялись от парламентской демократии до военной диктатуры, политическая жизнь развивалась не стабильно».

ным поступательным образом, а по спирали, причем витки ее шли не только вверх, а нередко вниз» [1, с. 15].

Некоторые зарубежные исследователи считают, что проблема самоопределения южной части Судана уходит корнями еще глубже, во вторую половину XIX века [2, с. 22], в колониальный период, когда англичане создали на экономически привлекательных и стратегически важных землях вдоль северных участков Нила одну из наиболее развитых колоний в Африке, при этом они не уделяли должного внимания землям мусульманского запада и востока, а также языческого юга. И хотя юг Судана был какое-то время вовлечен в мировую экономику через торговлю рабами и слоновой костью, но в силу политики Великобритании, направленной на отмену рабства и контроль за оборотом слоновой кости, экономическое развитие региона так и не последовало. Однако бедственное положение юга привлекло внимание британских миссионеров, которые открывали здесь христианские церкви и школы для коренного населения. Опасаясь проникновения ислама, распространяемого странствующими торговцами из северного Судана, британская администрация создавала «закрытые районы», постепенно появился запрет на торговлю с мусульманами, на использование арабского языка, на ношение арабской одежды – словом, постепенно формировалась англоговорящая христианская «элита», настроенная против мусульман и арабов, изолированная и лишенная всяких связей с севером, ориентированная на сближение с немусульманскими британскими колониями в восточной части Африки.

Так что не исключено, что генетический код на антипатию к северянам был заложен южносуданцам еще в далекие колониальные времена. И хотя, заметим, что в 50-е годы XX века колониальные власти изменили свою политику и согласились на объединение северной и южной частей Судана в целях подготовки к созданию независимого федеративного государства Судан, но семена вражды уже были посеяны, и ростки этого противостояния (Первая гражданская война 1955–1972 годов) появились еще до обретения независимости от колонизаторов.

Надо сказать, что и по сей день в регионе нет политической стабильности, несмотря на очередной всплеск эйфории по случаю трансформации власти, как в Судане, так и в его «младшем брате» Южном Судане.

Трансформация власти

Как сказано выше, говорить о переменах в РЮС вне контекста политической ситуации в Судане невозможно. Тем более, что в обеих странах происходят сейчас «тектонические» изменения, и прежде всего во власти.

Так, в Судане на фоне сильнейшей инфляции, девальвации национальной валюты, стремительного роста цен на основные продукты питания, острого дефицита товаров в конце 2018 г. начались массовые акции протеста, которые привели в конечном итоге к военному перевороту. 11 апреля 2019 г. армия отстранила от власти и арестовала правившего 30 лет президента Омара аль-Башира и его заместителя Ахмеда Харуна, взяла управление государством в свои руки, распустив парламент и приостановив действие конституции. Власть перешла к Переходному военному совету (ПВС), который возглавил министр обороны Авад Мухамед Ахмед ибн Ауф, вскоре подавший в отставку из-за противоречий между армейским командованием и оппозицией. В дальнейшем его место уже в должности председателя Суверенного совета Судана (куда вошли 11 военных и гражданских представителей) занял Абдель Фаттах аль-Бурхан.¹

¹ Переходный военный совет, на который были возложены обязанности по ведению государственных дел, совместно с главным оппозиционным альянсом «Силы за свободу и перемены» подписали соглашение об учреждении Суверенного совета.

Как видим, характер и динамика смены власти трансформируются с калейдоскопической скоростью. 21 августа 2019 г. был приведен к присяге новый глава правительства Абдалла Хамдук. А 8 сентября приступило к работе временное правительство, перед которым встала сложнейшая задача – за 39 месяцев переходного периода вывести страну из тяжелейшего экономического кризиса, в который она попала в 2011 г. по причине обретения Южным Суданом независимости, а с ней и ряда нефтеносных районов, прежде принадлежавших Судану.

Чтобы решить эту сложнейшую задачу, новому правительству Абдаллы Хамдука необходимо прежде всего решить не менее сложную – положить конец многолетним распрям между Суданом и Южным Суданом. И тут нельзя оставить без внимания многообещающее заявление, которое сделал 12 сентября 2019 г. новоиспеченный премьер-министр по итогам переговоров с президентом Южного Судана Салвой Кииром: «Хартум и Джуба договорились устранить все препятствия на пути развития отношений между двумя суданскими соседями» [3]. Не умаляя достоинств нового главы правительства Судана, следует все же сказать, что переговоры и их дальнейший результат стали возможны благодаря очень многим факторам и очень многим действующим лицам, заинтересованным в мирном урегулировании проблем². Помимо договоренностей с базирующимися в Южном Судане вооруженными группировками о прекращении военных действий, предстояло еще достигнуть всеобъемлющего политического урегулирования в районах Дарфур, Южный Кордофан и Голубой Нил. Предполагалось, что в соответствии с «дорожной картой» стороны к декабрю 2019 г. выйдут на подписание мирного соглашения, которое станет началом развития двусторонних взаимовыгодных отношений между Суданом и Южным Суданом.

А тем временем посмотрим и проанализируем, как трансформировалась власть в Южном Судане, с каким багажом пришла она к дню сегодняшнему, какие уроки извлекла и к чему стремится? Ведь в 2021 г. исполнится 10 лет, как РЮС обрела независимость. Обрела ли власть опыт, зрелость и мудрость за эти годы?

Многие эксперты [2, 4, 5] сходятся во мнении, что история становления этого государства – это «история мечты» и в то же время «история кошмара». Да, Южный Судан «сделал невозможное и победил» [4, с. xix], но, как правильно отмечают исследователи этой темы, «для стран, которые куют себя сами, а не просто рождаются, создание нации требует больше усилий, чем просто разворачивание флага» [4, с. xix].

От того, как лидеры воспользуются шансом и распорядятся данной им легитимной властью, зависит судьба страны и народа, населяющего ее. Ведь счастье и эйфория от победы в борьбе за независимость проходит, и начинаются реальные испытания на зрелость и мудрость власти. Так было и в случае с Южным Суданом. Независимость была завоевана, но мир не наступил.

«За риторикой демократии, свободы, равенства и справедливости не стояло никакого общественного договора между правительством и народом... Это было не правительство, а бизнес империя... Однако ресурсы были исчерпаны...» [4, с. xvii, xx-xxi]. К тому же цель, которая долгие годы борьбы за независимость (почти 40 лет) сплачивала из поколения в поколение лидеров, была ими достигнута, а управлять государством их нигде не учили. О характере и трансформации власти в РЮС в эти годы можно судить по динамике ее поведения.

Так уже на втором году обретения государством независимости во власти возникли серьезные противоречия, а в июле 2013 г. разразился крупный военно-политический конфликт³, и лидеры начали новую войну – войну южан против южан, отголоски которой не затихают по сей день.

² В том числе при участии премьер-министра Эфиопии Абий Ахмеда [6].

³ Действующий президент Республики Южный Судан Салва Киир в июле 2013 г. отправил в отставку вице-президента Риека Мачара. В стране развернулось военно-политическое противостояние правитель-

Все мировое сообщество требует от конфликтующих сторон перемирия. И вот наконец-то в сентябре 2018 г. президент РЮС Салва Киир и лидер вооруженных повстанцев Риек Мачар подписывают в Эфиопии мирное соглашение, согласно которому повстанцы обязаны прекратить огонь, Мачар должен быть восстановлен в должности вице-президента страны. При этом необходимо сформировать новое правительство с участием представителей оппозиции, также нужно провести административную реформу, а часть бывших повстанцев интегрировать в правительственные вооруженные силы. Казалось бы, лед тронулся, должен был начаться процесс реализации соглашения. Однако как всегда возникли трудности, и первоначальный срок формирования нового правительства 12 мая 2019 г. дополнительным соглашением был перенесен на 12 ноября 2019 г., а потом и еще на 100 дней – до 22 февраля 2020 г.

И вот спустя почти полтора года после заключенного мирного соглашения враждующие стороны 20 февраля 2020 г. наконец-то достигли окончательного компромисса. Президент дал согласие на проведение административной реформы, сокращение количества образующих государство штатов с 32 до 10. И 22 февраля Мачар принял присягу в качестве первого вице-президента страны. Наметились очертания нового Переходного правительства национального единства (ППНЕ). А 5 марта южносуданские СМИ [7] сообщили, что правящая партия СНОД (Суданское народно-освободительное движение) и противостоявшая ей СНОД в оппозиции договорились о распределении министерских портфелей и должностных кресел.

Приводим списочный состав должностных лиц, собранный из различных достоверных источников, по состоянию на конец марта 2020 г., с небольшими комментариями:

- первый вице-президент – Риек Мачар – главный оппозиционер и противник действующего президента (против бывшего первого вице-президента Табана Денга Гая Вашингтоном введены санкции [7, 8]);
- вице-президент – Ребекка Ньянденг де Мабиор – женщина, вдова погибшего в 2005 г. в авиакатастрофе лидера и основателя СНОД Джона Гаранга де Мабиора, сделавшая себе политическую карьеру с помощью США, хорошо известна мировому истеблишменту, в начале марта 2020 года встречалась с графиней Уэссексой Софи, прибывшей с визитом в РЮС, чтобы обсудить с вице-президентом проблемы обеспечения прав женщин в РЮС и предпринимаемые южносуданскими властями меры по предотвращению гендерного насилия (в то же самое время Национальное агентство по борьбе с преступностью Великобритании выпускает предупреждение о возможных рисках использования финансовой системы страны южносуданскими должностными лицами для легализации доходов, полученных преступным путем [7]);
- вице-президент – Хусейн Абдельбаги Акол;
- старший советник президента в ППНЕ – Куол Маньянг Джуук – бывший министр обороны и по делам ветеранов [6];
- советник президента по вопросам безопасности – Тутт Гатлуак (он же председатель Национального переходного комитета по контролю за выполнением предусмотренных Обновленным соглашением о разрешении южносуданского конфликта мер безопасности⁴ [7, 8];
- пресс-секретарь президента – Атени Век Атени;

ственных и оппозиционных сил. В результате народ РЮС оказался на грани гуманитарной катастрофы. Попытки мирного урегулирования конфликта длятся седьмой год.

⁴ Национальный переходный комитет по контролю за выполнением предусмотренных Обновленным соглашением о разрешении южносуданского конфликта мер безопасности был учрежден президентом РЮС по требованию Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет, призвавшую южносуданские власти пресечь проявления межплеменного насилия в центральной (штат Лейкс) и восточной (штат Джонглей) частях страны и привлечь виновных к ответственности [7, 8].

- пресс-секретарь вице-президента – Джеймс Гадет Дак – бывший представитель по связям с общественностью СНОД в оппозиции [6];
- министр иностранных дел и международного сотрудничества – Авут Денг Ачуил – 28 января 2020 г. с рабочим визитом посетила Москву и встретила с министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым (длившаяся около часа переписка были посвящены главным образом перспективам двустороннего сотрудничества, в частности, в экономической сфере, а также ситуации внутри Южного Судана [9]);
- министр обороны и по делам ветеранов – Анджелина Тени – супруга Р. Мачара, представительница СНОД в оппозиции, ее назначение вызвало большой резонанс⁵ (против бывшего министра обороны Куала Маньянга Джукка введены адресные санкции по обвинению в разжигании конфликта [7,8]);
- пресс-секретарь министра обороны – Лама Пол Габриэль – осуществляет связь с общественностью в вопросах, связанных с Объединенным советом по обороне⁶;
- министр нефти – Пуот Канг Чуол – лидер молодежного крыла СНОД в оппозиции (бывший министр нефти член политического бюро СНОД в оппозиции Дак Дуоп Бичиок с рядом своих сподвижников перешел на сторону Киира, обвинив Мачара в том, что тот превратил партию в «семейную династию» [8]);
- министр горнодобычи – Генри Одвар – он же заместитель председателя СНОД в оппозиции;
- министр энергетики и дамб – Питер Марселло Насир – он же председатель комитета СНОД в оппозиции по общественным услугам и развитию людских ресурсов;
- министр финансов и экономического планирования – Сальваторе Гаранг Мабиордит – сохранил свою должность;
- министр информации, коммуникационных технологий и почтовой службы – Майкл Макуэй – сохранил свою должность;
- министр по делам кабинета – Мартин Элия Ломуро – сохранил свою должность;
- министр национальной безопасности – Обуто Мамур Мете – сохранил свою должность;
- министр труда – Джеймс Хот Май – сохранил свою должность;
- министр сельского хозяйства и продовольственной безопасности – Джозефин Лага – женщина, до 14 марта 2020 г. председатель ЮОА, активная сторонница компромиссов;
- министр дорог и мостов – Саймон Миджок Миджак (сохранил свою должность);
- министр юстиции – Паулино Уанауилл – в должности с 2013 г.⁷;
- заместитель министра внутренних дел – Мабиор Гаранг де Мабиор – старший сын погибшего в 2005 г. в авиакатастрофе лидера и основателя СНОД Джона Гаранга де Мабиора (уже в марте заявил о своей готовности покинуть занимаемый пост, если предусмотренные Обновленным соглашением о разрешении южносуданского конфлик-

⁵ Это назначение повлекло за собой не только обвинения в адрес первого вице-президента в nepoтизме, но и уход четырех его бывших соратников (в том числе заместителя начальника штаба СНОД в оппозиции Джеймса Коанга Чуола) из числа высшего военного командования группировки и даже переход их на сторону Народных сил обороны (НСО) Южного Судана [7]. Кроме того, еще один командир базирующейся в Восточной Экватории дивизии СНОД в оппозиции генерал-майор Джеймс Нандо Марк принял решение о переходе на сторону правящей фракции СНОД [7].

⁶ Объединенный совет по обороне был создан в 2018 г. в соответствии с Обновленным соглашением о разрешении южносуданского конфликта, он сформирован из начальников штабов, руководителей служб безопасности, полиции, глав других организованных вооруженных формирований. В предпереходный период все формирования подписавших соглашение сторон должны находиться под его контролем. В ближайшее время совет должен завершить подготовку состава Необходимых объединенных вооруженных сил, проходивших обучение в специальных центрах подготовки по всей стране.

⁷ Паулино Уанауилл, министр юстиции 2013-2020 гг., умер 13.04.2020 в Джубе из-за осложнений, вызванных тяжелой формой малярии [7].

та меры по безопасности не будут выполнены в полном объеме в течение восьми месяцев [8]);

- генеральный директор министерства здравоохранения по вопросам политики, планирования и бюджета здравоохранения – Ричард Лако.

Таким образом, по информации южносуданских СМИ, сторонники Р. Мачара получили контроль над министерством обороны и по делам ветеранов, нефти, горнодобычи, водных ресурсов и ирригации, энергетики и дамб, по гендерным вопросам, делам детей и социального обеспечения, миростроительства, а также здравоохранения

Казалось бы, трансформация власти (и в какой-то степени даже модернизация, т.к. появились новые лица в правительстве, в том числе молодые) должна была примирить противоборствующие стороны, если не путем сбалансирования сил, то хотя бы обретения опыта в поиске компромиссов. Однако вновь слышны недовольства и притязания на предмет распределения портфелей между правящей фракцией СНОД и СНОД в оппозиции. Так, например, Южносуданский оппозиционный альянс (ЮОА) предъявляет претензии к властям из-за несоблюдения всех договоренностей, касающихся ряда министерств, которые сегодня возглавили люди Мачара, а должны были занять представители ЮОА [7]. К тому же многие бывшие сторонники Мачара, обвинив главного оппозиционера в семейственности, перешли на сторону Киира. В результате, как заявил генеральный секретарь ЮОА Лама Акол, «политический оппозиционный альянс» оказался «более не жизнеспособен ввиду своей систематической поддержки позиций правящей фракции СНОД» [8]. Акол даже допустил возможность появления нового объединения оппозиционных сил, входящих в состав ЮОА. Так что спокойствия и мирного развития РЮС ожидать не приходится.

Хотя, надо сказать, что здравомыслящие люди, готовые к компромиссам, в ППНЕ все же есть. Так, южносуданские СМИ цитируют председателя альянса (ЮОА), министра сельского хозяйства и продовольственной безопасности Джозефин Лага, критикующую Л. Акола и призывающую к поиску компромиссов для достижения устойчивого и прочного мира в стране. Правда, в ответ Л. Акол обвинил Дж. Лага в злоупотреблении своим должностным положением во время отбора кандидатов при распределении постов вице-президентов и министров в ППНЕ, а также разобщении ЮОА. Более того, по его словам, срок полномочий Дж. Лагу в качестве председателя ЮОА истек еще 14 марта 2020 г. Как видим, страсти и разногласия в вопросах формирования ППНЕ в РЮС не затихают.

Не менее спорными остаются и решения по распределению губернаторских постов в воссозданных в феврале 2020 г. десяти штатах. Кстати, проведение административной реформы и сокращение штатов с 32 до 10 являлось главным требованием вооруженной оппозиции. Р. Мачар неоднократно подчеркивал, что не согласится войти в новое правительство без выполнения данного положения. Ведь деление страны, проведенное в 2015 г., по мнению оппозиции, лишало местные власти ресурсов и политического влияния. Поэтому переговоры о распределении губернаторских постов затянулись: правящая партия СНОД настаивала на назначении своих сторонников губернаторами шести штатов, в то время как СНОД в оппозиции стремилась получить контроль хотя бы над тремя штатами [7]. Так что преткновений в решениях по распределению губернаторских постов оказалось тоже немало. К тому же для соблюдения предусмотренной в Обновленном соглашении о разрешении южносуданского конфликта квоты представленности женщин (35%) в органах исполнительной власти необходимо было назначить на губернаторские посты трех женщин [7].

По словам исполняющего обязанности председателя Реформированной двусторонней комиссии по мониторингу и оценке ситуации в РЮС Агостино Нджороге, переговоры подписантов Обновленного соглашения зашли в тупик по вопросу распределения губернаторских постов. В этой связи он не исключил возможность передачи этого во-

проса на рассмотрение Межправительственной организации по развитию – ИГАД (*Inter Governmental Authority on development, IGAD*) [7].

И вот наконец-то по итогам совещания главы государства с заместителями было принято коллегиальное решение, о чем 7 мая 2020 г. в СМИ появились первые сведения. Итак: правящая фракция СНОД получила контроль над Центральной и Восточной Экваторией, Лейкс, Уаррап, Северным Бахр-эль-Газаль и Юнити; СНОД в оппозиции – над Джонглеем, Западным Бахр-эль-Газаль и Западной Экваторией; а Южносуданский оппозиционный альянс (ЮОА) – над Верхним Нилом.

При этом в СМИ опять появляется критика власти, публикуются выдержки из письма Р. Мачара в адрес Агостино Нджороге, в котором тот заявляет о несогласии СНОД в оппозиции с таким решением. По его словам, оно было принято под нажимом главы государства и носит неконсенсусный характер, а также нарушает Обновленное соглашение о разрешении южносуданского конфликта, фактически исключая группу «других политических партий». При этом опять же ЮОА, напротив, выразил поддержку правящей фракции СНОД, заявив о соблюдении администрацией президента при принятии этого решения всех необходимых условий, установленных Обновленным соглашением о разрешении южносуданского конфликта.

Как видим, и сейчас, претерпев столько трудностей на пути к новому светлому видению своей жизни, представители власти обеих соседствующих теперь стран, Судана и Южного Судана, продолжают находиться как бы на переходной, промежуточной стадии государственного устройства и социального транзита. И это настораживает, ибо еще раз подтверждает, что изменения во властных отношениях и трансформация власти в этих странах могут повлечь за собой как ее эволюцию, так и полную деградацию.

А чтобы не случилось последнего, власти должны не только проанализировать причины, которые привели их страны к бедственному положению, но и сделать выводы, позволяющие на основе сотрудничества вывести свои страны на путь развития.

Предвестники южносуданской бури во власти

Итак, вернемся к причинам военно-политического кризиса власти в Республике Южный Судан, который разразился в 2013 г., буквально спустя два года после обретения страной независимости от «старшего брата» Судана.

Некоторые эксперты [10] констатируют, что задолго до этого, еще в 1991 г., предвестником будущих конфликтов в РЮС был раскол в южносуданском повстанческом движении. Уже тогда от возглавляемой Джоном Гарангом (наставником Салвы Киира и представителем той же народности динка) партии СНОД отмежевались фракции Риека Мачара (представителя народности нуэр) и Лама Акола (шилук). Причинами, якобы, были обвинения в адрес лидера партии, во-первых, в авторитарном и даже диктаторском стиле управления, а во-вторых, – «в чрезмерной опоре почти исключительно на своих соплеменников» [10].

Эти же факторы можно поставить во главу угла и в конфликте власти 2013 г. – все те же обвинения в адрес первого лица государства со стороны оппозиционно настроенного его заместителя. Однако сущность, характер и последствия конфликтов 1991 и 2013 годов разные.

В первом случае раскол произошел в партийной среде между молодыми, амбициозными, но неопытными в политическом смысле людьми, представлявшими практически равные по силе и возможностям группировки повстанцев. Длившийся десятилетие конфликт в глобальном смысле не имел серьезных последствий (примирение состоялось в 2002 году), но, думается, что затянул процесс подписания мирного соглашения между

правительством Судана и СНОД в 2005 г.⁸ Была цель – отмежевание от Севера и создание независимого государства на основе демократических ценностей на Юге, и она объединяла.

К тому же, после гибели Дж. Гаранга Салва Киир повел себя как профессиональный лидер. Опасаясь саботажа северянами мирного соглашения и, соответственно, нового витка гражданской войны⁹, он увеличил южносуданскую армию¹⁰, приняв в ее ряды десятки тысяч южан, сражавшихся во время Второй гражданской войны на стороне северян, чем сильно укрепил свои лидирующие позиции. Хотя, заметим, по существу, эта интеграция все же была мнимой. Присоединившиеся боевые подразделения оставались отдельными отрядами и не смешивались с ветеранами СНОД. Национальная армия РЮС представляла собой пестрый союз этнических ополчений, где с ростом доли представителей нуэр росло и политическое влияние их лидера Риека Мачара.

Так что конфликт власти 2013 г., этот ураган страстей, был более сложным и более масштабным даже только потому, что его закоперщиками и участниками были не повстанцы или ополченцы, а уже представители высшего руководства молодой страны – президент РЮС Салва Киир и вице-президент РЮС Риек Мачар.

Камни преткновения в управлении государством

Как уже было сказано выше, в основе официальных претензий вице-президента (получившего на выборах в 2011 году 16% голосов избирателей) к легитимно избранному президенту (получившему тогда же 35% голосов избирателей) было недовольство пресловутым авторитарным и даже диктаторским стилем управления, злоупотреблением властью и назначением на ключевые посты в руководстве страной представителей народности динка¹¹. Такова официальная версия Мачара. Но это только видимая часть айсберга.

Что же касается версии о принадлежности лидеров РЮС к носителям разных групп *нилотских языков*, то, безусловно, этот фактор тоже дает почву для взаимной неприязни, основанной на глубоких исторических корнях враждующих племен. Однако не будем уделять большого значения этнической розни – как причине конфликта, часто называемой отечественными и зарубежными исследователями при анализе основных причин региональных конфликтов. Актуализация негативных социокультурных («этнических») и конфессиональных стереотипов, конечно, могла быть одной из причин конфликта, но этот детерминант противостояния не стоит преувеличивать. Пресловутая «этничность» обычно бывает инструментом либо мобилизации сторонников при формировании электората, либо, наоборот, при мобилизации противников при конфликтной ситуации. И, заметим, инструмент этот бывает очень эффективным, если им владеют и управляют крупные глобальные политические и экономические игроки.

⁸ Всеобъемлющее мирное соглашение (ВМС) между правительством Судана и Суданским народно-освободительным движением было подписано 9 января 2005 г.

⁹ Первая гражданская война между Севером и Югом продолжалась с 1955 по 1972 г., Вторая гражданская война возобновилась после распространения исламского законодательства на всю страну – с 1983 по 2005 г. Этот период ознаменован тем, что повстанцы Юга во главе с бывшим полковником суданской армии Джоном Гарангом де Мабиором объединились в Суданскую народно-освободительную армию (СНОА) – позднее ставшую партией Суданское народно-освободительное движение (СНОД).

¹⁰ К 2012 г. южносуданская армия насчитывала 300 тыс. чел. Для сравнения при Дж. Гаранге в СНОД было около 40 тыс. чел.

¹¹ Всего многострадальный южносуданский народ составляют порядка 200 народностей, более 60 этнических групп (основную из которых составляют представители представителей nilотских племен *динка* – 35%, *нуэр* – 16%, *азанде* – 6,5%, *шиллу* – 3,5%, *топоса* – 1,9%, *лотухо* – 1,9%, *дуо* – 1,6%, *мурле* – 1,2%). Отношения между многими омрачены столетиями вражды [9].

Так что камнем преткновения в управлении молодым государством, как ни крути, все же были финансовые интересы, причем выгоду получить хотели очень многие участники политической игры: от мелких марионеток и до самых тeneвых и серых кардиналов.

Влияние внутренних факторов

Для начала рассмотрим повнимательнее хотя бы ту самую модель кооптации в южносуданскую армию политических антагонистов, о чем уже было сказано выше. С одной стороны, С. Киир благодаря этой политической технологии заметно вырос как лидер. С другой стороны, вполне очевидно, что управление такой армией возможно только с помощью «кнута и пряника», – то притягивая противников, то «ослабевая поводья». Эта модель время от времени работала, причем работала на авторитаризм и диктатуру президента. Киiru удавалось, пока в бюджете было достаточно средств, усмирять полевых командиров, которым, кстати, было весьма и весьма выгодно устраивать разного рода мятежи и восстания¹², претендуя тем самым на дополнительные деньги и привилегии, ибо иным способам зарабатывания средств, равно как и иным занятиям, кроме как воевать, они обучены не были.

Но все они пешки. В большей степени эта модель работала на глобальных игроков, так как позволяла не только управлять политической, экономической и социальной ситуацией в стране, но и держать под контролем весь регион, богатый «черным золотом». И вот тут-то мы подошли к главной причине военно-политического конфликта в южносуданском регионе.

Анализируя ход и динамику развития событий, начиная с гражданских войн и заканчивая нынешним длительным вооруженным противостоянием политических сил, повлекшим за собой гуманитарную катастрофу в зоне конфликта, есть вполне весомые основания предполагать, что и гражданские войны, и обретение РЮС независимости, и военный конфликт – это все звенья одной цепи под названием «стратегия поглощения внешними акторами»¹³ такого лакомого ресурсного региона как Юг Судана.

А ресурсная база Южного Судана на момент обретения независимости действительно была привлекательна. К 2011 г. после Анголы и Нигерии это был третий по запасам нефти регион в Африке. По оценкам экспертов запасы тогда составляли от 3,75 млрд до 5 млрд баррелей, с возможностью добычи в 470–550 баррелей в сутки [11, с. 296]. Конечно, нефть для Южного Судана была главным источником государственных доходов, основой экономики (98% бюджетных поступлений) и ВВП (80%). Но кроме нефти, здесь было много запасов газоконденсатных жидкостей – 500 млн тонн, природного газа – 62 млрд куб м. Также здесь имелись залежи железной руды, меди, хромосодержащих руд, цинка, вольфрама, слюды, серебра и золота [12, с. 27–32].

Разумеется, такой богатый природными ресурсами регион, получивший статус суверенного государства, нуждался в настоящем хозяине, грамотном управленце и, конечно, крепкой сплоченной команде единомышленников во власти. Но ничего этого не было.

Некоторые исследователи темы справедливо задаются вопросом, почему никто из действующих лиц не подумал о том, что будет после обретения независимости, никто

¹² Только в период с 2005 по 2013 г. в Южном Судане произошли три крупных восстания недовольных своим положением полевых командиров и множество мелких стычек и мятежей.

¹³ Подобную стратегию, определяемую степенью интереса к региону, не раз применяли «великие державы» и продолжают успешно использовать в современных геополитических условиях крупные транснациональные корпорации. Решающую роль при этом, естественно, играет ресурсная база региона, в котором начинает разворачиваться противостояние.

не разработал программу или не набросал даже примерный план действий [4]. Да потому, что не хватало должного образования первым лицам молодого, еще политически не окрепшего, институционально не до конца сформированного государства. Не было ни навыков государственного управления, ни опыта внешнеполитической деятельности. Только амбиции вкупе с мятежным характером продолжали обуревать борцами за независимость, получившими власть и доступ к большим деньгам. Их стали открыто обвинять в продажности, жестокости и коррумпированности.

Вспомним слова русского баснописца Ивана Андреевича Крылова: «Когда в товарищах согласия нет – на лад их дело не пойдет». А разногласий во власти РЮС к 2013 г. было более чем предостаточно: и по административным, внутривластным, проблемам, и по внешнеполитическим, – но априори везде во главе угла все же были вопросы экономического толка.

Разбираясь в причинах конфликта южносуданской власти 2013 г., можно было бы считать крыловскую классическую формулу фундаментальной, основной, если бы этот конфликт, оставаясь локальным, не становился объектом внимания тех самых так называемых внешних акторов, инструментом политического влияния и даже силового давления на региональный истеблишмент. Представляется, что именно такая комбинация факторов и была для страны губительной, но зато для некоторых заинтересованных в получении стратегической выгоды внешних акторов выигршной.

Влияние внешних факторов

Надо сказать, что и статус Республики Южный Судан, как юридического лица, по мнению некоторых исследователей [2, с. 67–71], уже не отвечал требованиям к национальному государству и постепенно все больше стал зависеть от международного признания. При этом есть эксперты [4], и с ними трудно не согласиться, которые обвиняют мировое сообщество в его неспособности помочь новому государству встать на ноги.

Безусловно, мировое сообщество в лице Организации Объединенных Наций должно было реагировать и, естественно, реагировало – и резолюциями, и санкциями, и миссиями – на подобного рода конфликты во власти стран-членов ООН¹⁴, приводящие население страны на грань гуманитарной катастрофы, но претензий к авторитетной международной организации за последние годы накопилось все же немало, в том числе к сильному американскому лобби, изначально продвигавшему идею освобождения Юга от Севера Судана. Оттого и закрадывается вполне очевидное сомнение: а нет ли со стороны внешних акторов¹⁵ повышенного интереса к региону, в части передела собственности и сфер влияния? И тут вспоминается другая классическая формула – «разделяй и властвуй».

Поэтому анализ внутривластной ситуации в современном Южном Судане не возможен без погружения в тему внешних связей. И тут вновь не обойтись без исторических экскурсов в совсем недалекое прошлое.

Естественно, соседствующие государства всегда оказывали определенное влияние на общественно-политическую ситуацию в регионе, особенно если имелись нерешенные территориальные вопросы, и особенно если эти вопросы касались экономически выгодных районов. А таких территорий и в Судане, и тем более в Южном Судане немало. Поэтому территориальный вопрос на протяжении как отдаленной, так и новейшей истории региона был и остается одной из главных проблем, влияющих на общественно-политическую жизнь соседствующих стран. Отсюда и постоянные гражданские войны, стремление к административному переделу, суверенитету, пересмотру границ и т.д.

¹⁴ РЮС стала страной-членом ООН в 2011 году.

¹⁵ Примеров тому современное регионоведение знает немало. Взять хотя бы трагедию Руанды, откуда США настойчиво вытесняли Францию и Бельгию.

Неслучайно причины политического конфликта в РЮС мы ищем, прежде всего, рядом, по соседству, в Хартуме. Ведь в 2011 г. Судан вместе с бюджетообразующими территориями потерял почти 60% общего объема налоговых и большей части внешне-торговых поступлений. Опять же, определенный региональный интерес был и остается у другого соседа – Эфиопии¹⁶, которая еще в лице Менгисту Хайле Мариама долгое время поддерживала СНОД в борьбе за права южан на самоопределение, и думается, что не столько из идеологических соображений, сколько из прагматичных – там был и остается свой интерес, в части района Абьей.

Однако, представляется, что регионалы вполне могли бы быть партнерами, если бы ситуацию не контролировали, не подогревали и не использовали в своих интересах глобальные игроки, и прежде всего КНР и США. Но почему именно эти страны? Ведь, крупнейшими внешними донорами в экономику Южного Судана помимо США и КНР принято считать Францию, Великобританию и Норвегию. Почему они вне подозрений?

Сразу оговоримся, что Россия не участвовала ни в колониальном разграблении африканского континента, ни сейчас не имеет здесь какой-либо скрытой агрессивной повестки дня. О высоких рисках инвестиций в проблемные африканские страны эксперты предупреждали всегда [13, с. 97], да и отсутствие зависимости Российской Федерации от импорта энергоносителей давало свободу маневра при проведении своего курса в международных делах. Поэтому причислять Россию к акторам вмешательства во внутренние дела РЮС было бы ошибочным. Хотя надо признать, что в последние годы Москва действительно проявляет в высокой степени конструктивный подход и в вопросах дипломатического урегулирования конфликта в Южном Судане, и в вопросах поиска обоюдного интереса [14, 15] – готова на взаимовыгодной основе оказывать странам Африканского континента поддержку в обеспечении безопасного и успешного развития. Об этом свидетельствует и Декларация первого саммита Россия-Африка в Сочи [16], и материалы рабочего визита в Москву Авут Денг Акуил в ранге Министра иностранных дел РЮС [9].

И все же давним, как теперь принято говорить, выгодополучателем в Южном Судане был и остается Китай – крупнейший в мире потребитель нефти и важный ее импортер, который имеет самые весомые доли в добыче нефти в южносуданском регионе. Для примера: только одна компания – *China National Petroleum Corporation (CNPC)* – владела 40% нефтедобычи Южного Судана [17, с. 98]. Согласно китайской статистике, еще до обретения независимости РЮС в нефтяной сектор южных штатов Судана было вложено \$33,4 млрд [17, с. 99]. Пекин профинансировал строительство нефтепровода, по которому южносуданская нефть через территорию Судана шла к Красному морю и вывозилась в Китай. Суданская нефть тогда составляла около 40% китайского нефтяного импорта из Африки, около 9% всего китайского нефтяного импорта, причем 5% всего нефтяного импорта приходилось к 2011 г. именно на Южный Судан. Китай стал главным держателем акций нефтяной промышленности в регионе и одним из крупнейших потребителей южносуданской нефти. Естественно, что и политическое влияние его в регионе было весомым.

Однако активность Китая в Южном Судане не устраивала США, чьи стратегические планы всегда строились исключительно сообразно собственным амбициям и перспективным экономическим прибылям. Вашингтон, имевший крепкие позиции в ООН, в очередной раз навязывая другим странам свои принципы общественного развития¹⁷,

¹⁶ Эфиопия и сегодня оказывает большое влияние на урегулирование южносуданской проблемы. Именно в Эфиопии в сентябре 2018 г. было подписано мирное соглашение между С. Кииром и Р. Мачаром.

¹⁷ Политтехнологи США к тому времени довольно преуспели в организационно-методическом плане. Достаточно вспомнить опробованные еще в Ираке и Афганистане специальные методики и программы (в том числе так называемую «Систему работы с местным населением», *Human Terrain System*) [18, с. 49].

сумел, используя циничную стратегическую схему развития событий по принципу «разделяй и властвуй», перекрыть целый регион.

Немаловажную роль в формировании общественного мнения, как считают некоторые исследователи [2], сыграли лоббистские группы, которые умышленно демонизировали исламское правительство северного Судана, при этом, наоборот, героизировали тогда еще Национальную армию освобождения Судана. Несмотря на имевшие место факты насилия и убийства, пропагандировали их как национальных освободителей.

Так под предлогом продвижения демократии и свободы в Судан была интегрирована идея проведения референдума о независимости Юга от Севера. Этот американский проект¹⁸ с легкостью стал осуществляться, ибо лег на благодатную, уже подготовленную почву. Идея нашла активный отклик в сердцах лидеров НАОС-СНОД, давно борющихся за независимость. Их мечта стала обретать реальные перспективы, а позиции США в регионе – укрепляться. И сегодня мы видим, что не только Южный Судан пал жертвой политтехнологов США, но и в апреле 2019 г. был совершен государственный переворот и демонтирован столь ненавистный США политический режим в Судане.

Так что влияние Вашингтона на власть в регионе более чем очевидно. Однако, будучи последовательными в реализации стратегических планов, США нередко проявляли на первый взгляд непоследовательность в тактических действиях. В различные годы при постоянном противоборстве С. Киира и Р. Мачара они поддерживали то одну то другую сторону. На начальном этапе своего проекта они делали ставку на лидера Народной армии освобождения Судана, в дальнейшем Суданского народно-освободительного движения – С. Киира. Уже на пятый день после провозглашения независимости, отодвинув на второй план умеренного в политических и дипломатических делах Киира, пропиарили его давнего антагониста Р. Мачара, поставив его в качестве вице-президента рядом с генсеком ООН Пан Ги Муном на торжественной церемонии поднятия государственного флага Южного Судана как 193-й страны-члена ООН. А позднее и вовсе симпатии Запада перешли к оппозиционно настроенному Р. Мачару.

Однако «непоследовательность» совсем не означает «нелогичность». Ведь технологии позволяют не только трактовать различные ситуации с различной вариативностью, но и использовать это в корыстных целях. Манипулируя амбициями двух лидеров, к тому же представителей разных этнических групп, в прошлом уже конфликтовавших, довольно легко не только спрогнозировать, но и по сути спланировать и организовать в будущем военно-политический конфликт. Зачем? Затем, чтобы на фоне затяжного политического, экономического, гуманитарного кризиса зачистить территорию от конкурентов и получить доступ к перспективному сырьевому клондайку. «Отжимая» огромный китайский бизнес в Южном Судане, США нанесли КНР огромные убытки¹⁹. При этом, несмотря на общую патовую ситуацию в стране, США реализовывали свои инвестиционные проекты, такие, к примеру, как ремонт двух асфальтированных дорог: Гангура – Ремензе и Нзара – Басукангби, общей протяженностью 78 км, со-

¹⁸ По проекту «Южный Судан» политтехнологами США была проделана огромная предварительная тщательная исследовательская работа: изучалась обстановка, особенности родоплеменной и клановой иерархии, специфика трайбалистских и межконфессиональных противоречий, – все это ложилось в основу методик, программ, обучающих курсов и использовалось для умелого манипулирования как отдельными людьми, так и целыми группами, а также для планирования и осуществления прогнозируемых ситуаций [18].

¹⁹ Из-за спора по поводу нефтепровода, проходящего по территории Судана, в 2012 г. нефтедобыча Южного Судана перестала функционировать. И хотя после 15 месяцев переговоров в апреле 2013 г. производство возобновилось, в декабре в связи с разразившимся военно-политическим конфликтом в Южном Судане вновь возникли большие проблемы для Китая, многие объекты нефтедобычи были разрушены, производство резко упало до 150 тыс. баррелей в день в первой половине 2014 г. (по сравнению с почти 400 тыс. баррелей в день в 2010 г.). Китай ежедневно импортировал 49 тыс. баррелей из Судана и 65 тыс. баррелей из Южного Судана (что составляло 86% суданского и южносуданского экспорта).

единяющих южносуданский штат Заадная Экватория с Демократической Республикой Конго (ДРК), который завершился в марте 2020 года и теперь позволяет наращивать объемы трансграничной торговли [7]. Удивительно, но факт: даже название инвестиционного агентства, осуществляющего проект, – *United States Agency for International Development (USAID)* – в русских деловых медийных изданиях нередко упоминается как Агентство международного развития США (АМР США) [19].

Так что тяга США к мнимым демократическим преобразованиям в других странах и циничному распространению своего влияния в геополитических масштабах приводит, как правило, к разрушениям не только экономик этих стран, но и разрушениям жизнедеятельности населения этих стран. Даже если предположить, что цели США бескорыстны и направлены исключительно на пропаганду демократизации общества, по фактам видим, что в суданский регион интегрированы и военно-политический конфликт (в Южном Судане), и военный государственный переворот (в Судане).

К тому же США умело манипулируют с помощью жестких санкционных режимов, как Суданом, так и Южным Суданом. В качестве примера такого манипулирования и влияния на внутреннюю политику является тот факт, что в октябре 2017 г. Вашингтон принял решение о снятии экономических санкций со 157 предприятий Судана, но только 4 марта 2020 г., уже после государственного военного переворота и смены власти в Судане, это решение получило практическое воплощение, о котором незамедлительно сообщил Центральный банк Судана. При этом несколько представителей и организаций страны, чьи действия, по мнению Вашингтона, подрывают мир и стабильность в регионе еще остаются под санкциями США [20, 21]. Продлены санкции на год и для Южного Судана. «Ситуация в Южном Судане и вокруг него продолжает представлять необычную и особую угрозу для национальной безопасности и внешней политики Соединенных Штатов. По этой причине чрезвычайный режим, объявленный 3 апреля 2014 года для борьбы с этой угрозой, должен оставаться в силе и после 3 апреля 2020 года», – заявил президент США Дональд Трамп [20]. Словом, в регионе постоянно ощущается присутствие внешних акторов и влияние их на ситуацию.

Сравнивая подход двух великих мировых держав, ведущих стратегическую политику вмешательства в дела Судана и Южного Судана, отметим следующее. Оба глобальных игрока преследовали и продолжают иметь свои корыстные цели с разницей лишь в том, что Соединенные Штаты Америки осуществляют более активную экспансию, направленную не столько на интеграцию через экономическое развитие молодой Республики Южный Судан, сколько на передел сфер влияния в регионе, используя при этом весь свой организационный, методический и даже военный арсенал. Тогда как Китайская Народная Республика, придерживаясь долгое время так называемой политики невмешательства во внутренние дела, на сегодняшний день тоже играет активную (отчасти иногда конструктивную) роль и в экономической экспансии, и в миротворческих миссиях, а значит все же вмешивается во внутренние дела государства, где имеет свои интересы²⁰. Например, совсем недавно [6, 20] Китай предоставил Южному Судану кредит в \$589 млн, якобы, на выплату зарплат государственным служащим и погашение задолженности перед ними. Первоначально, по версии южносуданского информационного агентства *Nyamilepedia*, Пекин отказал Джубе в предоставлении такой суммы, однако согласился после повторной просьбы. Не является ли этот факт прямым подтверждением того, что в решении внешнеполитических вопросов всегда имеет место торг? А вот что было предметом торга – вопрос за семью печатями.

Используя «мягкую», но силу, КНР на протяжении не одного десятка лет завоевывала свои позиции в таком богатом ресурсами регионе как Южный Судан. И по большому счету в этом смысле мало чем отличается от Соединенных Штатов Америки.

²⁰ Только в 2017 г. КНР поставила Южному Судану товаров на 2,34 млрд долларов, а закупила в первую очередь нефть и золото на 611 млн долларов [20].

Длительное время оставаясь, якобы, приверженной принципу невмешательства во внутренние дела, ратуя за решение конфликтов путем переговоров, выступая против военных интервенций и санкций, КНР в последнее время не скрывает, что вносит коррективы в свою политику невмешательства, ссылаясь на то, что появилась угроза развитию китайского бизнеса в РЮС и возросла опасность для китайских граждан, работающих в РЮС.

«Мягкая сила» КНР проявляется также в административном ресурсе. Так, в марте 2020 г. был повышен в должности и назначен заместителем Специального представителя Генерального секретаря ООН по Южному Судану и Главы МООНЮС Дэвида Ширера²¹ китайский дипломат Гуан Цун, ранее (с 2016 г.) занимавший в Миссии должность директора по гражданским делам [8]. Безусловно, оба миссионера по долгу службы высказывают и проявляют намерения оказать ППНЕ РЮС поддержку в выполнении Обновленного соглашения о разрешении южносуданского конфликта, но не надо забывать, где они получают свою зарплату.

Влияние негосударственных акторов

На рубеже XX–XXI веков в мире появилось такое явление как глобализация, которая привнесла во внутреннюю политику государств свои коррективы. По мнению авторитетных ученых-африканистов, глобализация потребовала от национальных правительств заключения соглашений не только с другими правительствами, но и с так называемыми негосударственными акторами (НГА) – международными организациями, военными, неправительственными организациями, многонациональными трансконтинентальными корпорациями, роль которых с каждым годом усиливается [22]. Причем, надо сказать, что многие из них по своим амбициям и возможностям нередко превосходят государственные и могут весьма активно влиять на уровень политической нестабильности в стране.

Как уже было показано выше, в Южном Судане крепкие позиции у Китая. При этом заметим, что только нефтегазопроводы по частным контрактам охраняют 3 тыс. вооруженных китайцев, что в условиях нестабильной внутривнутриполитической обстановки может в какой-то момент стать причиной для провокации и в результате – инцидента. А ведь на появление в кризисных районах «частных военных и охранных компаний (ЧВОК), как одной из форм применения военной силы» представители экспертного сообщества указывали давно [23, с. 174; 24, с. 20].

И все же в условиях управленческого хаоса наибольшее беспокойство вызывают рвущиеся к власти так называемые агрессивные негосударственные акторы (АНГА), к которым можно отнести внесистемную оппозицию, племенные образования, криминальные структуры, сетевые террористические образования, вооруженные группировки, преступные кланы, религиозные братства, тайные общества, экстремистские политические структуры, осуществляющие агрессивную экспансию, а также формально «мирные» структуры, но придерживающиеся экстремистской идеологии или проповедующие рознь и ненависть.

Кстати сказать, в реальности порой бывает стерта грань между добром, ими проповедуемым, и злом, ими же распространяемым; как бывает стерта грань между освободительными армиями (или движениями), борющимися за свободу от колонизаторов (или оккупантов), и преступными экстремистскими вооруженными группировками, рвущимися к власти и ресурсам любой ценой. Некоторые исследователи даже, объясняя стратегию лоббистской политики Соединенных Штатов, позиционирующих НАТО

²¹ Дэвид Ширер, новозеландец, назначен Специальным представителем Генерального секретаря ООН по Южному Судану и Главой МООНЮС 1 января 2017 года, до этого был членом парламента Новой Зеландии от Лейбористской партии.

в глазах мировой общественности как армию национальных освободителей, все же открыто говорят о неопровержимых доказательствах их противоправных действий: о систематическом нарушении прав человека, о насилиях и убийствах [2, с. 18].

Конечно, помимо глобализации, среди причин возникновения АНГА и активизации их деятельности можно выделить и межконфессиональные противоречия, и недовольство усилением социально-экономического неравенства, и бурный рост коррупции, и неравномерное распределение государственных доходов от экспорта нефти, и рост безработицы, и появление огромной армии молодежи, не имеющей доступа к образованию и возможности найти работу.

Хорошо вооруженные и уже имеющие многолетний опыт гражданских войн, такие новообразования не только успешно противостоят правительственным войскам, но и демонстрируют решимость взять власть в свои руки. А их, таких АНГА, в Северной Африке только крупных насчитывается почти два десятка, число мелких, порой входящих в более крупные, доходит до сотни.

Неслучайно рост затрат на оборону сегодня становится не столько прихотью властей, сколько суровой необходимостью в условиях постоянного возникновения угроз. Именно поэтому в Объединенный совет по обороне и вошли представители самых разных организованных силовых структур. В предпереходный период все формирования подписавших соглашение сторон должны находиться под его контролем, ибо он (этот совет) призван завершить подготовку состава Необходимых объединенных вооруженных сил, проходивших обучение в специальных центрах подготовки по всей стране. Удивительно лишь то, что в Переходном правительстве национального единства на должность министра по обороне поставлена женщина. Однако, несмотря на демонстративный протест бывших сторонников ее мужа, выраженный в их последующем переходе на сторону Киира, пока ей удается держать ситуацию под контролем. Как знать, может эта провокация с неприятием ее в качестве министра все же дала как раз ожидаемые и желаемые на тот момент результаты?

Как видим, с годами приобретая сложный опыт дипломатии, поиска компромисса, южносуданские лидеры, трансформируя власть, и сами эволюционируют.

Общая реакция на сформированное ППНЕ в РЮС

По случаю завершения формирования ППНЕ в РЮС многие главы государств еще в марте 2020 г. поздравили Салву Киира с этим долгожданным событием. Так глава египетской разведки генерал-майор Аббас Камаль в Джубе передал Кииру [7] поздравительное послание от президента Египта Абделя Фаттаха ас-Сиси и обсудил возможные пути развития двустороннего сотрудничества.

Налаживаются отношения и с соседним Суданом. «Надеемся, что Судан и Южный Судан будут жить в условиях мира и стабильности», – неоднократно подчеркивал Киир уже по результатам переговоров с новым главой правительства Судана Абдаллой Хамдуком [20]. «Хартум стремится к созданию стратегических и особых отношений между двумя государствами. Мы договорились углублять сотрудничество между нашими странами», – подтверждал Хамдук [20]. А доказательством не только желания, но и попыток урегулировать ситуацию в регионе, стало освобождение [6] новым суданским правительством 35 южносуданских военных, захваченных суданскими вооруженными силами в 2012 г., во время пограничного конфликта на почве спорного района Хеглиг.

Приветствуя факт завершения работы над составом ППНЕ в РЮС, Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш порекомендовал южносуданским лидерам в первую очередь сосредоточить внимание на выполнении переходных мер безопасности, на решении проблем межобщинных столкновений, на борьбе с безнаказанностью и на оказании основных услуг населению страны [7].

Поздравляя власти РЮС с окончанием формирования ППНЕ, Заместитель постоянного представителя КНР при ООН У. Хайтао на открытом заседании Совета Безопасности по Южному Судану в Нью-Йорке [26] подчеркнул, что «стороны в Южном Судане несут основные обязанности выполнения соглашения по восстановлению». Заметим, – не власти, а стороны, – как бы замечая тем самым, что все еще нет единства во власти РЮС. Однако китайский дипломат заверил, что его страна «желает совместно с мировым сообществом играть конструктивную роль в поддержании мира и стабильности, а также содействии социально-экономическому развитию в регионе» [26]. «Международные партнеры по сотрудничеству должны активизировать контакты со сторонами Южного Судана, – сказал Хайтао, – особенно с правительством страны, а также оказать необходимую финансовую, материальную и техническую поддержку в областях политики и безопасности в соответствии с потребностями Южного Судана» [26]. Он также отметил большую роль в урегулировании конфликтов в регионе таких международных институтов как Межправительственная организация по развитию (ИГАД) и Африканский союз (АС), рекомендовал и впредь поддерживать их посреднические усилия [26].

Как видим, несмотря на благожелательную международную атмосферу в связи с завершением формирования ППНЕ в РЮС, мировое сообщество не спешит доверять южносуданским властям. СБ ООН принимает Резолюцию о продлении мандата МООНЮС²² на очередной год – до 15 марта 2021 г. Вспоминаются слова Гутерриша годом ранее в канун Международного дня миротворцев ООН, когда он предупреждал о том, что «перед миротворцами ставят все более сложные и опасные задачи», а «мандат миротворцев носит разносторонний характер и выходит за рамки поддержания мира» [25]. При этом он тогда с грустью отметил, что за всю историю миротворчества самыми опасными для «голубых касок» стали миссии в пяти странах, в том числе в Южном Судане.

Президент США Дональд Трамп тоже своим распоряжением продлил на год (до 3 апреля 2021 г.) объявленное чрезвычайное положение в отношениях между Вашингтоном и Джубой, поскольку, как цитируют его южносуданские СМИ, «сложившаяся ситуация по-прежнему представляет собой угрозу национальной безопасности и внешней политике США» [7].

По мнению лидера Национального фронта спасения (НФС) Томаса Сирилло Сваки, одного из видных подписантов Обновленного соглашения о разрешении южносуданского конфликта, «недавно сформированное ППНЕ будет не в силах установить прочный мир в РЮС» [8]. Возникает вопрос: почему обличенные властью лидеры будут не в силах установить прочный мир? Неужели есть более влиятельные или более заинтересованные в анархии силы? И в ответ всплывают в памяти размышления на тему влияния внешних акторов на ситуацию в стране. Но лидер НФС продолжает: «Нынешние власти не заинтересованы в проведении реформ и являются основными выгодоприобретателями текущего положения дел в стране» [8]. В качестве доказательств он вновь обвиняет Национальные силы обороны в нарушении прав мирных жителей населенных пунктов, расположенных неподалеку от города Ей на юге страны, что, по его мнению, уже является несоблюдением подписанного в декабре 2017 г. основными сторонами южносуданского конфликта Соглашения о прекращении враждебных действий, защите мирного населения [8].

Таким образом получается, что Сваки не видит мирного будущего Республики Южный Судан. Кстати сказать, в оппозиционных кругах вообще есть большая доля сомнения касательно серьезности намерений С. Киира по проведению демократических реформ в трехлетний переходный период. Звучат обвинения в изменении окончательного

²² По состоянию на март 2020 года миротворческий контингент МООНЮС составляет 17 тыс. военнослужащих и 2101 полицейских.

варианта текста законопроекта о внесении поправок в основной закон страны, согласованного ранее Национальным комитетом по реформированию конституции РЮС²³, в нарушение Обновленного соглашения о разрешении южносуданского конфликта [8].

СМИ тоже, хотя и со ссылкой на сомнительные источники в виде различных неправительственных организаций, продолжают приводить непроверенные факты, уличающие Национальную службу безопасности в превышении своих полномочий [7], а дочь С. Киира и его ближайшее окружение – в причастности к нелегальной золотодобыче в Восточной Экватории [7]. Согласно приводимым данным, якобы, насчитывается в общей сложности 32 горнодобывающих компаний, так или иначе аффилированных с родственниками и соратниками президента РЮС.

Все это говорит о том, что в регионе по-прежнему неспокойно. Даже состоявшаяся в Джубе встреча министра обороны и по делам ветеранов РЮС Анджелины Тени с министром обороны Судана Джамалем Омером, на которой стороны выразили готовность развивать взаимовыгодное военно-техническое сотрудничество [8], была вскоре омрачена смертью последнего в результате сердечного приступа там же в Джубе, где он так же вел мирные переговоры между Переходным правительством Судана и повстанческими вооруженными группировками в рамках подписанной при посредничестве С. Киира в сентябре 2019 г. «Декларации о мерах по укреплению доверия и подготовке к переговорам» [8]. В результате переговорный процесс был перенесен на неделю и продолжился 2 апреля 2020 г., но уже «в удаленном режиме».

К общей продолжающейся нервной обстановке добавились проблемы, связанные с охватившей весь мир пандемией коронавируса нового типа (*COVID-19*), на борьбу с которой южносуданские власти выделили \$5,4 млн [6]. Только на нужды южносуданских студентов, обучающихся в странах с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, учрежденный в срочном порядке оперативный штаб по реагированию на новую коронавирусную инфекцию, возглавляемый первым вице-президентом Р. Мачаром, выделил \$3 млн [6].

Помятуя внешних акторов, надо сказать, что южносуданские власти не остались без их внимания и помощи.

Нынешний председатель Африканского союза (АС) Сирил Рамафоса высоко оценил деятельность Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и ее генерального директора Тедроса Аданом Гебрейесуса в организации глобальной борьбы с пандемией [25]. Однако посмотрим, в чем заключалась эта помощь на примере Китая, который выделил через ВОЗ южносуданскому правительству \$100 тыс. для приобретения медицинских материалов и оборудования, в рамках же стратегического плана ВОЗ по обеспечению готовности и реагирования на новую коронавирусную инфекцию [26]. В конце марта от основателя китайской технологической корпорации «Алибаба» Джека Ма власти РЮС получили гуманитарный груз для борьбы с пандемией новой коронавирусной инфекции, а именно: 100 тыс. медицинских масок, 20 тыс. комплектов для тестирования и 1 тыс. защитных костюмов [7]. То есть ВОЗ привлек финансы и обеспечил страну медицинскими услугами.

Другая международная организация также выступила посредником, и в рамках программы чрезвычайной продовольственной помощи обеспечила наиболее уязвимые слои южносуданского населения 1040 тоннами китайского риса [26].

Государственный департамент США тоже распространил информацию о выделении властям Южного Судана \$8 млн в качестве чрезвычайной медицинской помощи для противодействия распространению пандемии коронавирусной инфекции [8], несмотря на эмоциональное заявление Дональда Трампа, пригрозившего заморозить взно-

²³ Национальный комитет по реформированию конституции РЮС инкорпорировал текст Обновленного соглашения о разрешении южносуданского конфликта в основной закон страны, подготовил соответствующий проект, который был подписан Президентом РЮС С. Кииром 19 февраля 2020 г.

сы США в бюджет ВОЗ, потому что она слишком медленно отреагировала на вспышку COVID-19.

На фоне глобального апокалипса уже мало кого удивляет и волнует череда смертей²⁴ в высших эшелонах власти Судана и Южного Судана. Да и среди гражданских лиц продолжают происходить межобщинные перестрелки с летальным исходом, возникающие на почве оспаривания прав владения землей после возвращения к местам своего постоянного жительства сотен тысяч беженцев [20].

Поэтому сегодня не представляется возможным делать какие-либо прогнозы в отношении будущего Судана и Южного Судана. Однако ясно, что мир становится другим. Другими становятся люди, отношения, мировоззрения. И хотя внутривластная ситуация в регионе остается посттравматической, а состояние власти стабильно тяжелым, хочется все же верить, что благодаря приобретенному опыту демонтажа и трансформации власти и в Судане, и в Южном Судане может произойти реанимация и модернизация мирных социально-экономических процессов, а также медленная, но все же эволюция власти.

P.S. Пока статья готовилась к печати, премьер-министр переходного правительства Судана Абдалла Хамдук спустя год после свержения режима Омара аль-Башира и создания переходного Военного совета (на который были возложены обязанности по ведению государственных дел) наконец-то подписал Указ о назначении гражданских лиц на посты губернаторов 18 провинций, причем два региона впервые в истории страны возглавили женщины. Это событие бесспорно является важным шагом правительства на пути к эволюции.

Источники

1. Гусаров В.И. Политическая спираль Судана. М., ISSN 2412-5717, *Ученые записки Института Африки РАН*, 2019. № 4 (49), с. 14–30. DOI: 10.31132/2412-5717-2019-49-4-14-30.
2. Young J. South Sudan's Civil War: Violence, Insurgency and Failed Peacemaking. London, UK: Zed Books Ltd., 2019. 245 p.
3. *Sky News – Arabia*. <http://skynewsarabia.com> (дата обращения 12.09.2019)
4. Martell P. First Raise A Flag: How South Sudan Won the Longest War but Lost the Peace. London, UK: Hurst Publishers Ltd., 2018. 258 p.
5. Шарова А.Ю. О Южном Судане по-английски. Рецензия на книги П. Мартелл «Сначала поднимите флаг: как Южный Судан выиграл самую длинную войну, но потерял мир» (на англ. яз.) и Дж. Янг «Гражданская война в Южном Судане: насилие, мятеж и неудачное миротворчество» (на англ. яз.). М., ISSN 2412-5717. *Ученые записки Института Африки РАН*, 2020. № 2(51), с. 109–115. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-51-2-109-115
6. *Nyamilepedia News*. <https://www.nyamile.com/category/news> (даты обращения 15.09.2019, 14.10.2019, 03.03.2020, 22.03.2020, 24.03.2020, 28.03.2020, 05.05.2020)
7. *Radio Tamazuj News*. <https://radiotamazuj.org/en/news> (даты обращения 05.03.2020, 06.03.2020, 08.03.2020, 15.03.2020, 17.03.2020, 20.03.2020, 21.03.2020, 26.03.2020, 27.03.2020, 01.04.2020, 02.04.2020, 03.04.2020, 08.04.2020, 13.04.2020, 16.04.2020)
8. *Sudan Tribune News*. <https://www.sudantribune.com/spip.php?rubrique1> (даты обращения 07.03.2020, 15.03.2020, 18.03.2020, 19.03.2020, 21.03.2020, 24.03.2020, 25.03.2020, 28.03.2020, 29.03.2020, 31.03.2020, 17.04.2020)

²⁴ Министр обороны Судана Джамаль Омар умер от сердечного приступа во время визита в Джубу с целью переговоров с противостоящими вооруженными группировками, базирующимися в Южном Судане [26]; министр юстиции Южного Судана Паулино Уанауилл умер в Джубе из-за осложнений, вызванных тяжелой формой малярии [7]; ветеран южносуданской политики, основатель правящего СНОД 74-летний Эдвард Лино Уор Абьей скончался в индийском городе Бангалор из-за осложнений после операции на колене [7].

9. МИД РФ, *Новости, Страны*. https://www.mid.ru/ru/maps/ss/-/asset_publisher/YwkaV0IHjVIE/content/id/4006509 (дата обращения 28.01.2020); <http://www.mid.ru/ru/maps/ss/-/category/10498/?currentpage=one-country> (дата обращения 03.09.2018)
10. Костелянец С.В. Южный Судан: в шаге от мира. *Институт Африки РАН: актуальный комментарий*. <https://www.inafran.ru/node/1695> (дата обращения 03.09.2018)
11. Костелянец С.В. *Дарфур: история конфликта*. ISBN 978-5-91298-146-3. М., *Институт Африки РАН*, 2014. 388 с.
12. Бежанова М.П., Стругова Л.И. *Ресурсы, запасы, добыча, потребление и цены важнейших полезных ископаемых мира (на начало 2014 года)*. М., ВНИИзарубежгеология, 2015.
13. Бондаренко С.В., Ткаченко А.А. *Ближний, Средний Восток и Северная Африка в мировом нефтегазовом хозяйстве*. М., *Институт Африки РАН*, 2008. 100 с.
14. *Африка и национальные интересы России*. Под ред. Абрамовой И.О., Фитуни Л.Л., М., *Институт Африки РАН*, 2016. 149 с.
15. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Перспективы развития ТЭК Африки и интересы России. *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 11 (688), с. 3–12.
16. Декларация Первого Саммита «Россия – Африка». <https://summitafrica.ru/news/deklaratsiya-pervogo-sammita-rossija-afrika> (дата обращения 24.10.2019)
17. Дейч Т.Л. *Китай как член «ИГАД-плюс» и проблемы Южного Судана. Разрешение военно-политических конфликтов в Африке: роль региональных организаций*. М., *Институт Африки РАН*, 2017.
18. Устинов Е.И. Разделяют, желая властвовать. М., *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 6.
19. *Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара* <https://www.iep.ru/ru/ob-agentstve-mezhdunarodnogo-razvitiia-ssha.html> (дата обращения 28.07.2020)
20. *ТАСС-онлайн-Новости*. <https://terminal.tass.ru/state/query=Южный%20Судан&item=12848906> (даты обращения 13.09.2019, 15.09.2019, 04.03.2020, 01.04.2020, 03.06.2020)
21. *Al Arabiya News*. <https://english.alarabiya.net/News> (дата обращения 04.03.2020)
22. Фитуни Л.Л. Агрессивные негосударственные акторы – новая угроза развитию Африки. М., ISSN 2412-5717. *Ученые записки Института Африки РАН*, 2015, № 1, с. 14–20.
23. Мезенцев С.В. Международные аспекты применения военной силы в целях противодействия конфликтным и кризисным ситуациям в регионе Африканского Рога. «*Будущее Африки. Борьба новых и старых акторов*» – *Материалы международной научной конференции*. М., 13–14 марта 2012 г., с.169–182.
24. Кочанова Т.В. Республика Южный Судан как лакомый кусок для поглощения внешними акторами. М., ISSN 2409-8965. *Конфликтология*, 2018, № 2, с. 11–23.
25. *ООН Новости. Африка*. <https://news.un.org/ru/story/2019/05/1355851> (дата обращения 25.05.2019)
26. *Синьхуа Новости. Африка*. http://russian.news.cn/2020-04/10/c_138963507.htm (даты обращения 04.03.2020, 06.04.2020, 10.04.2020)

SUDAN AND SOUTH SUDAN: THROUGH THE DECONSTRUCTION AND TRANSFORMATION OF POWER TO ITS EVOLUTION

© 2000 Tatiana KOCHANOVA

KOCHANOVA Tatiana V., Senior Research Fellow of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka str., 30/1, e-mail: kochanova@rambler.ru

Abstract: *The research focuses on Sudan and South Sudan, where great changes in socio-political life are taking place. Following different historical researches and monitoring various modern information sources, the author provides insight into problems faced by the peoples that inhabit this region (which is remote from the rest of the world's civilization) from colonial times to the present day. The author analyzes the nature and dynamics of the transformation of transitional forms of governance and power relations in these countries, identifies the reasons that affect the internal politics of the states. The author characterizes the current internal political situation in the region as post-traumatic, and the condition of the government – as serious but stable, but expresses the hope that, thanks to the experience gained in the change of power in these countries, a resuscitation of peaceful socio-economic processes can occur, as well as a slow, but all the same an evolution of the authorities.*

Keywords: *Africa; Sudan; South Sudan; Civil War; government; opposition; conflict; crisis; corruption; sanctions; resources; economy; international economic relations; foreign policy; USA, China; integration; investment; cooperation; peacemaking; development*

DOI: 10.31132/2412-5717-2020-52-3-39-59

References

Abramova I.O., Fituni L.L. Perspektivi razvitiya TEK Afriki i interesi Rossii (Prospects for the development of Africa's fuel and energy sector and Russia's interests). Moscow, *Aziya i Afrika segodnya*. 2014. № 11 (688), p. 3–12. (in Russian)

Afrika i nacionalnie interesi Rossii (Africa and Russia's national interests). Ed. Abramovoy I.O. i Fituni L.L., Moscow, Institut Afriki RAN, 2016. 149 c. (in Russian)

Al Arabiya News. <https://english.alarabiya.net/News> (accessed 04.03.2020)

Bezhanova M.P., Strugova L.I. *Resursi, zapasi, dobicha, potreblenie I ceni vazhneishih poleznih iskopaemih mira (Resources, reserves, production, consumption and prices of the world's most important minerals)*. Moscow, Vniizarubezhgeologiya, 2015.

Bondarenko S.V., Tkachenko A.A. *Blizhniy. Sredniy Vostok i Severnaya Afrika v mirovom neftegazovom hozyaistve (Middle East and North Africa in the global oil and gas industry)*. Moscow. Institut Afriki RAN, 2008. 100 p.

Deich T.L. *Kitay kak chlen «IGAD-Plus» i problema Yuzhnogo Sudana (China as a member of the IGAD Plus and the problem of South Sudan)* Moscow, Institut Afriki RAN, 2017.

Gusarov V.I. Politicheskaya spiral Sudana. (Sudan's Political Spiral). M., ISSN 2412-5717, *The Journal of the Institute for African Studies*, 2019, № 4 (49), p. 14–30. DOI: 10.31132/2412-5717-2019-49-4-14-30.

Deklaraciya Pervogo Sammita «Rossiya – Afrika» (Declaration of the First Russia–Africa Summit) <https://summitafrica.ru/news/deklaratsiya-pervogo-sammita-rossiya-afrika> (accessed 24.10.2019) (in Russian)

Fituni L.L. Agressivnie negosudarctvennie aktori – novaya ugroza razvitiyu Afriki. (Aggressive Non-State Actors – a New Threat to Africa's Development). Moscow, ISSN 2412-5717. *The Journal of the Institute for African Studies*. 2015, № 1, p. 14–20.

Kochanova T.V. Respublika Yuzhniy Sudan kak lakomiy kusok dlya pogloscheniya vneshnimi aktorami (The Republic of South Sudan as a plum picked up by external actors). Moscow, ISSN 2409-8965, *Konfliktologiya*, 2018, № 2, p. 11-23..

Kostelyanyets S.V. Yuzhniy Sudan v shage ot mira. (South Sudan: one step away from the world). *Institut Afriki RAN: aktual'nyy kommentarij*. <https://www.inafran.ru/node/1695> (accessed 03.09.2018)

Kostelyanyets S.V. *Darfur: istoriya konflikta (Darfur: history of the conflict)*, Moscow, ISBN 978-5-91298-146-3. Institut Afriki RAN, 2014. 388 p.

Martell Peter. *First Raise A Flag: How South Sudan Won the Longest War but Lost the Peace*. London, UK: Hurst Publishers Ltd., 2018. 258 p. 22.

Mezentsev S.V. Mezhdunarodnie aspekti primeneniya voennoy sili v tselyah protivodeistviya konfliktim i krizisnim situatsiyam v regione Afrikanskogo Roga (International aspects of the use of military force to counter conflict and crisis situations in the Horn of Africa region). «Budushee Afriki. Borba novih i starih aktorov» . («Africa's future. The struggle of new and old actors») *Materiali mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii (Papers of the international scientific conference)* Moscow, March 13-14, 2012, p.169–182.

MID RF (Russian Foreign Ministry News). https://www.mid.ru/ru/maps/ss/-/asset_publisher/YwkaVOIHIE/content/id/4006509 (accessed 28.01.2020)

<http://www.mid.ru/ru/maps/ss/-/category/10498/?currentpage=one-country> (accessed 03.09.2018)

Nyamilepedia News. <https://www.nyamile.com/category/news> (accessed 15.09.2019, 14.10.2019, 03.03.2020, 22.03.2020, 24.03.2020, 28.08.2020, 05.05.2020)

Radio Tamazuj, News. <https://radiotamazuj.org/en/news> (accessed 05.03.2020, 06.03.2020, 08.03.2020, 15.03.2020, 17.03.2020, 20.03.2020, 21.03.2020, 26.03.2020, 27.03.2020, 01.04.2020, 02.04.2020, 03.04.2020, 08.04.2020, 13.04.2020, 16.04.2020)

Sharova A.Yu. O Yuzhnom Sudane po-angliiski. Retsenziya na knigi P. Martell i J.Young. (On South Sudan, in English. Review of the Books by Peter Martell “First Raise A Flag: How South Sudan Won the Longest War but Lost the Peace” and John Young “South Sudan’s Civil War: Violence, Insurgency and Failed Peacemaking”). *Journal of the Institute for African Studies*, 2020, № 2 (51), p. 109–115. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-51-2-109-115.

Sky News – Arabia. <https://www.skynewsarabia.com> (даты обращения: 12.09.2019)

Sudan Tribune. News. <https://www.sudantribune.com/spip.php?rubrique1> (accessed 07.03.2020, 15.03.2020, 18.03.2020, 19.03.2020, 21.03.2020, 24.03.2020, 25.03.2020, 28.03.2020, 29.03.2020, 31.03.2020, 17.04.2020)

TASS-online News. <https://terminal.tass.ru/state/query=Южный%20Судан&item=12848906> (accessed 13.09.2019, 15.09.2019, 04.03.2020, 01.04.2020, 03.06.2020)

UN News. <https://news.un.org/ru/story/2019/05/1355851> (accessed 25.05.2019)

Ustinov E.I. Razdeliyut, zhelaya vlastvovat (Divide, wanting to rule) M., *Azia i Afrika segodnya*. 2013. № 6 (in Russian).

Xinhua News. http://russian.news.cn/2020-04/10/c_138963507.htm (accessed 04.03.2020, 06.04.2020, 10.04.2020)

Young John. *South Sudan’s Civil War: Violence, Insurgency and Failed Peacemaking*. London, UK: Zed Books Ltd., 2019. 245 p.